

Auswahl der russischen Interviewauszüge für die Audioguidestationen

(die Nummern vor den Namen geben die Anwahlnummern auf den Audioguides wieder)

4 Biografien/ 15 Ausschnitte

Биографические данные / Biografische Angaben

121 1_Геннадий Александрович Храмов / Биографические данные

121 1_ Gennadij Chramow / Biografische Angaben

122 1_Александр Иванович Кулинич / Биографические данные

122 1_ Aleksandr Kulinitsch / Biografische Angaben

123 1_Юрий Трофимович Пискунов / Биографические данные

123 1_ Jurij Piskunow / Biografische Angaben

124 1_Иван Матвеевич Перепелицае / Биографические данные

124 1_ Iwan Perepeliza / Биографические данные

3 Мостик у лагерных ворот / Jourhaus-Brücke

121 3_Иван Матвеевич Перепелица / Мостик у лагерных ворот

121 3_ Iwan Perepeliza / Jourhaus-Brücke

4 Лагерные ворота / Jourhaus

121 4_Александр Иванович Кулинич / Лагерные ворота

121 4_ Aleksandr Kulinitsch / Jourhaus

5 «Апельплац» / Appellplatz

121 5_Александр Иванович Кулинич / «Апельплац»

121 5_ Aleksandr Kulinitsch / Appellplatz

6 Аэрофотоснимок / «Плантация» - Luftbild/Plantage

121 6_Александр Иванович Кулинич / «Плантация»

121 6_ Aleksandr Kulinitsch /Plantage

8 Монумент / Mahnmal

121 8_Александр Иванович Кулинич / Монумент

121 8_ Aleksandr Kulinitsch / Mahnmal

360 Экспозиция / Баня для заключенных / Häftlingsbad

11 360_Юрий Трофимович Пискунов / Баня для заключенных

11 360_ De_ Jurij Piskunow / Häftlingsbad

9 Бункер (Лагерная тюрьма) / Bunker

[121 9 Юрий Трофимович Пискунов_ Бункер](#)

[121 9_ Jurij Piskunow / Bunker](#)

[10 Бараки / Baracken](#)

[121 10 Александр Иванович Кулинич / „Блока 19“](#)

[121 10_ Aleksandr Kulinitsch / „Block 19“](#)

[122 10 Иван Матвеевич Перепелица / „Блока 22“](#)

[122 10_ Iwan Perepeliza / “Block 22](#)

[104 Экспозиция барака / Barackenausstellung](#)

[12 104_ Геннадий Александрович Храмов_ Экспозиция барака](#)

[12 104_ De_ Gennadij Chramow_ Barackenausstellung](#)

[111 Функциональные бараки / «Ревир» \(Медицинский изолятор\) / Krankenrevier \(111\)](#)

[14 111 Геннадий Александрович Храмов / “Ревир“](#)

[14 111_ Gennadij Chramow / Krankenrevier](#)

[15 111 Александр Иванович Кулинич / “Ревир“](#)

[15 111_ De_ Aleksandr Kulinitsch_ Krankenrevier](#)

[14 Заградительные сооружения / Befestigungsanlage](#)

[121 14 Александр Иванович Кулинич / Заградительные сооружения](#)

[121 14_ Aleksandr Kulinitsch / Befestigungsanlage](#)

[15 Крематорий / Krematorium](#)

[121 15 Геннадий Александрович Храмов / Крематорий](#)

[121 15_ Gennadij Chramow / Крематорий](#)

Биографические данные / Biografische Angaben

[121 1_ Геннадий Александрович Храмов / Биографические данные](#)

Геннадий Александрович Храмов попал 17 ноября 1943 года в концентрационный лагерь Дахау и был освобожден во время «Марша смерти» 30 апреля 1945 года. Он был родом из Ижевска, где родился 23 ноября 1921 года и ходил в школу. Когда немцы напали на Советский Союз в июне 1941 года, он уже служил в Советской армии. Был взят в плен и оказался в лагере для военнопленных под местечком Капрун в Австрии. Хотел присоединиться к югославским партизанам, но побег не удался. За попытку побега его перевели в концентрационный лагерь Дахау. Это было за несколько дней до того, как Геннадию Александровичу исполнилось 22 года. С советскими заключенными обращались особенно жестоко. Но ему повезло с рабочей командой. Под контролем гражданского мастера они должны были разбирать старые локомотивы.

В ходе эвакуации лагеря Храмов был отправлен 26 апреля 1945 года по направлению к Тиролю. Самым жутким из того, что ему довелось видеть в лагерях, стали для него расстрелы узников эсесовцами, в момент их освобождения. После освобождения он, как и все остальные выжившие советские узники, подвергался допросам советских секретных служб в фильтрационном лагере в Австрии. Они находились под подозрением в шпионаже и коллаборационизме. Спасло его то обстоятельство, что он состоял в низком военном звании. По окончании еще одного года военной службы он смог вернуться домой. Но он все еще оставался под подозрением. Только в 1958 году его реабилитировали и вернули орден, который заслужил еще в 1941 году. Геннадий Александрович работал преподавателем в техникуме. Только в 2002 году он смог впервые посетить Мемориальный комплекс Дахау. Через год он снова посетил Дахау, чтобы, по просьбе родных пропавших без вести товарищей, заняться поисками в архивах. Два года спустя он умер в Екатеринбурге, *где прожил много лет. Его завещание – фильм с интервью о жизни в плену находится в архиве Мемориального комплекса Дахау.*

Фрагменты этого интервью можно услышать у «Ревира» – то есть «Медицинского изолятора» – „Экспозиции барака“ и у „Крематория“.

121 1_ Gennadij Chramow / Biografische Angaben

Gennadij Chramow war vom 17. November 1943 an im Konzentrationslager Dachau und wurde auf dem Evakuierungsmarsch am 30. April 1945 befreit. Er stammte aus der russischen Stadt Ischewsk, wo er am 23. November 1921 geboren wurde und zur Schule ging. Zum Zeitpunkt des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion, im Juni 1941, diente er bereits in der sowjetischen Armee. Doch er kam in deutsche Gefangenschaft und wurde in einem Kriegsgefangenenlager bei Kaprun in Österreich inhaftiert. Dort misslang ihm die Flucht. Er wollte sich den Partisanen in Jugoslawien anschließen. Zur Strafe wurde er in das Konzentrationslager Dachau überstellt, nur wenige Tage vor seinem 22. Geburtstag. Die sowjetischen Häftlinge wurden besonders brutal behandelt. Glück hatte er mit seinem Arbeitskommando. Unter der Aufsicht eines zivilen Handwerkers mussten sie alte Lokomotiven ausschlichten. Am 26. April wurde er auf den Evakuierungsmarsch Richtung Tirol geschickt. Als ungeheuerlichste aller Grausamkeiten, die er in den Lagern erfahren hatte, bezeichnete er die Erschießungen von Häftlingen durch die SS zum Zeitpunkt ihrer Befreiung. Nach der Befreiung musste er sich wie alle überlebenden sowjetischen Häftlinge in einem Filtrationslager in Österreich den Verhören der sowjetischen Geheimpolizei unterziehen. Sie standen unter dem Verdacht der Spionage und der Kollaboration. Ihm kam zugute, dass er nur einen minderen militärischen Rang innehatte. Nach einem weiteren Jahr Militärdienst konnte er in seine Heimat zurückkehren. Doch die Verdächtigungen gegen ihn hörten nie auf. Erst im Jahr 1958 wurde er rehabilitiert und erhielt seinen Orden, der ihm bereits im Jahr 1941 zuerkannt worden war. Beruflich arbeitete Gennadij als Lehrer an einer technischen Fachschule. Erst im Jahr 2002 konnte er zum ersten Mal die KZ-Gedenkstätte Dachau besuchen. Ein Jahr später war er erneut in Dachau, um auf Ersuchen von Verwandten verschollener Kameraden Archiv-Recherchen zu betreiben. Zwei Jahre später ist er in Jekaterinburg gestorben, wo er viele Jahre seines Lebens verbracht

hatte. Sein Vermächtnis, ein filmisches Interview mit ihm über seine Hafterfahrungen, ist im Archiv der Gedenkstätte hinterlegt.

Auszüge aus diesem Interview sind an den Stationen „Krankenrevier“, Barackenausstellung“ und „Krematorium“ zu hören.

122 1_Александр Иванович Кулинич / Биографические данные

Александр Иванович Кулинич дважды был узником концентрационного лагеря Дахау. Первый раз, 16-ти летним, он находился там с весны до осени 1942 года. Следующее пребывание с 27 декабря 1944 года до своего освобождения во время эвакуационного марша 1 мая 1945 года. В перерыве он находился в лагере для гражданского населения в Гендорфе. Александр Иванович вырос в Украине. Родился он 20 июля 1925 года в Кристиновке. Когда немецкие войска вступили на территорию Украины, он был схвачен прямо на улице и отправлен на принудительные работы в Германию. Вместе с другими подростками из Советского Союза, он был привлечен к принудительным работам на вокзале баварского города Фрайсинга. Когда они предприняли попытку побега из-за тяжелой работы и недостаточного питания, их схватили и отправили в концлагерь Дахау. Его направили в 19 блок, где старший по блоку проявил о нем заботу и направил его на уборку помещений. Позднее он попал в команду плантация. Но уже в октябре несовершеннолетние узники, по приказу Гиммлера были отпущены из концлагеря. Александр Иванович попал в рабочий лагерь под Гендорфом. Работа нравилась ему, и он выучился там на слесаря. Но питание было катастрофически плохим, и Александр Иванович вновь пытался бежать. Он вспоминает, что в это время уже существовали связи между советскими узниками различных рабочих лагерей, которые планировали побеги. Сам он лишь короткий период находился на свободе, вскоре он был схвачен полицией и подвергся жестоким побоям. Ночью он лишь чудом остался жив при бомбардировке тюрьмы. Многие заключенные погибли. На следующий день, он второй раз оказался в концлагере Дахау. Там он снова был направлен в 19 блок и назначен ответственным за уборку помещений. Лагерь с резко ухудшающимися условиями существования в нем, воспринимался им как конвейер смерти. 26 апреля был отправлен на убийственный эвакуационный марш. Ему пришлось смотреть, как эсесовцы расстреливали его товарищей, которые в изнеможении падали у края дороги. 1 мая его освободили американские войска. По возвращении на Родину, он подвергался допросам советских секретных служб по подозрению в коллаборационизме. Один из друзей помог ему, подделав его дату рождения, для того чтобы снять с него подозрения в виду его юного возраста. Впоследствии он закончил в г. Баку факультет электротехники и защитил докторскую диссертацию. В возрасте восьмидесяти лет он всё ещё преподавал в Университете г. Черновцы.

Воспоминания Александра Ивановича Кулинича о его пребывании в заключении можно услышать у «Лагерных ворот», «Монумента», «Заградительных сооружений», «Лагерных барачков», «Блока 19», «Ревира», информационной доски «Плантация» и на «Апельплаце».

122 1_ Aleksandr_Kulinitich / Biografische Angaben

Aleksandr Kulinitich war zweimal Häftling im Konzentrationslager Dachau. Zuerst als 16jähriger von Frühjahr bis Herbst 1942, dann vom 27. Dezember 1944 bis zu seiner Befreiung auf einem der Evakuierungsmärsche am 1. Mai 1945. Dazwischen war er in einem Lager für Zivilarbeiter in Gendorf inhaftiert. Aleksandr Kulinitich stammt aus der Ukraine. Geboren wurde er am 20. Juli 1925 in Kristinowka. Nach dem Einmarsch der deutschen Truppen wurde er von der Straße weg verhaftet und zur Zwangsarbeit nach Deutschland deportiert. *Gemeinsam mit anderen Jugendlichen aus der Sowjetunion musste er am Bahnhof der Stadt Freising in Bayern Zwangsarbeit leisten. Als sie von dort wegen der harten Arbeit und der unzureichenden Verpflegung einen Fluchtversuch unternahmen, wurden sie aufgegriffen und in das Konzentrationslager Dachau überstellt.* Auf dem Block 19, in den er eingewiesen wurde, nahm sich der Blockälteste seiner an und teilte ihn zum Stubendienst ein. Später kam er in das Plantagenkommando. Doch bereits im Oktober wurden die minderjährigen Häftlinge auf Geheiß von Himmler entlassen. Aleksandr kam in ein Arbeitslager bei Gendorf. Die Arbeit dort gefiel ihm. Er wurde als Schlosserlehrling ausgebildet. *Allerdings war die Ernährung katastrophal und Aleksandr Iwanowitsch unternahm erneut einen Fluchtversuch. Er erinnert sich auch daran, dass es zu dieser Zeit bereits Verbindungen zwischen den sowjetischen Häftlingen in den einzelnen Arbeitslagern gegeben hatte, die Fluchtaktionen vorbereiteten. Er selbst war nur kurze Zeit in Freiheit, dann hatte ihn die Polizei wieder aufgegriffen und in der Haft schwer misshandelt. Nachts überlebte er nur knapp einen Bombentreffer auf das Gefängnis.* Viele Häftlinge starben. Am nächsten Tag wurde er zum zweiten Mal in das Konzentrationslager Dachau überstellt. Dort wurde in seinen vorherigen Block 19 eingewiesen und wieder zum Stubendienst eingeteilt. Aleksandr erlebte die sich drastisch verschlechternden Lebensbedingungen als ein Fließband des Todes. Am 26. April 1945 wurde er auf den mörderischen Evakuierungsmarsch geschickt und musste mit ansehen, wie seine Mithäftlinge erschöpft am Straßenrand zusammenbrachen und von der SS erschossen wurden. Am 1. Mai wurde er von amerikanischen Truppen befreit. Nach seiner Rückkehr wurde er den Verhören des sowjetischen Geheimdienstes wegen Verdachts der Kollaboration unterzogen. Doch ein guter Freund fälschte sein Geburtsjahr, so dass er noch jünger und unbelasteter wirkte. Anschließend studierte er in Baku, in Aserbeidschan, Elektrotechnik und brachte es bis zur Habilitation. Noch mit 80 Jahren lehrte er an der Universität in Tschernowzy.

Aleksandr Kulinitich erinnert sich an folgenden Stationen an seine Haftzeit in Dachau: am „Jourhaus“, am „Mahnmal“, am „Appellplatz“, an der „Befestigungsanlage“, an den Baracken, an „Block 19“, am „Krankenrevier“ und an der Informationstafel „Plantage“.

123 1_ Юрий Трофимович Пискунов / Биографические данные

Юрий Трофимович Пискунов попал в концлагерь Дахау 3 ноября 1943 года в возрасте 17-ти лет. К этому времени, он уже прошел несколько кругов ада системы террора. 29 апреля 1945 года он был освобожден из концентрационного лагеря Дахау американскими войсками. Пискунов родом из Украины. Он родился 22 декабря 1925 года в Запорожье. Когда ему было восемь лет, умер его отец, простой

рабочий. После того, как немецкие войска заняли Украину, техническое училище, где он учился, было закрыто. Позднее он был направлен оккупационными властями на принудительные работы в локомотивное депо Запорожья. 3 апреля 1943 года вместе со своими товарищами он был обвинен в саботаже и арестован немецкой тайной полицией. В тюрьме он испытал на себе пыточные методы Гестапо. 5 октября 1943 он сначала был переправлен в Днепропетровск, а оттуда в концлагерь Маутхаузен. Работа там проходила в каменоломне в страшных условиях. Оказавшись в концлагере Дахау, он снова подвергается большой опасности. Охрана СС схватила его при попытке пронести немецкие газеты на территорию лагеря. Газеты были найдены им, когда его бригада работала за стенами концлагеря, расчищая здания, разрушенные вследствие бомбежек. За попытку пронести газеты в концлагерь он был отправлен в стоячий карцер. пытка заключалась в том, что в карцере имелось очень мало места даже для нахождения в стоячем положении и царила полная темнота. Когда его наконец-то освободили из карцера, он находился в крайней степени измождения и был болен туберкулезом. Всё оставшееся время до освобождения он провел в медицинском изоляторе в 13 блоке. После освобождения он возвратился в Украину и счастливым образом снова встретился там со своими родными, матерью, сестрой и братом.

После службы в армии он продолжил свое образование и работал в последствии модельером-дизайнером. В течение многих лет Юрий Трофимович представлял бывших узников из Украины в Международном Комитете Дахау. С начала 90-ых годов он смог активно участвовать в мероприятиях Мемориального комплекса как очевидец тех событий. Он принимал участие во многих встречах, особенно с молодежью, содействовал укреплению взаимопонимания между народами. Юрий Трофимович скончался 11 сентября 2007 г.

Рассказ Юрия Трофимовича Пискунова о его пребывании в концлагере Дахау можно услышать в „Бункере“ и „Бане для заключенных“.

123 1_Jurij Piskunow / Biografische Angaben

Jurij Piskunow wurde im Alter von 17 Jahren am 3. November 1943 in das Konzentrationslager Dachau eingeliefert. Zu diesem Zeitpunkt hatte er bereits mehrere Stationen des Terror-Apparates überlebt. Am 29. April 1945 wurde er in Dachau von den amerikanischen Truppen befreit. Jurij Piskunow stammt aus der Ukraine. Er wurde am 22. Dezember 1925 in Saporoschje geboren. Als er acht Jahre alt war, starb sein Vater, ein einfacher Arbeiter. Als die deutschen Truppen die Ukraine besetzten, wurde die technische Lehranstalt, an der er studierte, geschlossen. Später wurde er von den Besatzungsbehörden zur Arbeit in einem Eisenbahndepot in Saporoschje zwangsverpflichtet. Am 3. April 1943 wurde er mit anderen Kameraden wegen Sabotage von der deutschen Geheimpolizei verhaftet. Im Gefängnis durchlitt er die Foltermethoden der Gestapo. Am 5. Oktober 1943 wurde zunächst nach Dnepropetrowsk und dann in das Konzentrationslager Mauthausen überstellt. Dort überlebte er die mörderischen Arbeitsbedingungen im Steinbruch. Doch auch im Konzentrationslager Dachau geriet er in große Gefahr. Er wurde von den SS-Wachen beim Schmuggeln von

deutschen Zeitungen erwischt. Diese hatte er bei seinem Arbeitskommando außerhalb des Lagers gefunden. Er musste Aufräumarbeiten in Gebäuden leisten, die durch die Bombenabwürfe beschädigt worden waren. Für das Schmuggeln wurde er in den Stehbunker eingesperrt. Die Folter bestand darin, dass den Häftlingen nur wenig Platz zum Stehen zur Verfügung stand und der Bunker vollkommen dunkel war. Als er endlich entlassen wurde, war er vollkommen geschwächt und an Tuberkulose erkrankt. Die Zeit bis zur Befreiung verbrachte er im Krankenrevier, in Block 13. Nach der Befreiung kehrte er in die Ukraine zurück und traf glücklicherweise seine Mutter, seine Schwester und seinen Bruder wieder. Nach dem Militärdienst setzte er seine Ausbildung fort und arbeitete später als Modedesigner. Jurij Piskunow war langjähriger Vertreter der ukrainischen Überlebenden im Internationalen Dachau Komitee. Seit den 90er Jahren war es Jurij Piskunow möglich, sich auch für die Gedenkstätte als Zeitzeuge zu engagieren. In vielen Begegnungen, vor allem mit Jugendlichen, trat er für die internationale Verständigung ein. Am 11. September 2007 ist Jurij Piskunow gestorben.

Jurij Piskunow erzählt an den Stationen „Bunker“ und „Häftlingsbad“ über seine Haft Erfahrungen im Konzentrationslager Dachau.

124 1_Иван Матвеевич Перепелица / Биографические данные

Иван Матвеевич Перепелица провел в концентрационном лагере Дахау совсем немного времени. 17 января 1945 года он был переправлен вместе с другими украинскими заключенными из штрафного лагеря Моозах в концлагерь Дахау, и затем по истечении трех месяцев был освобожден во время эвакуационного марша недалеко от Вольфратсхаузена. Иван Матвеевич родился в украинском местечке Плескачивка, в данный момент проживает в г. Каменке Черкасской области. Он уже дважды посещал Мемориальный комплекс Дахау и принимал участие в торжествах посвященных Дню Освобождения. В архиве Мемориального комплекса имеется совсем мало следов о его пребывании в заключении, как, впрочем, и о большинстве переживших концлагерь.

Воспоминания Ивана Матвеевича о его кратком пребывании в концлагере Дахау можно услышать у «Лагерных ворот» и «Бараков», а именно у „Блока 22“.

124 1_Iwan Perepeliza / Биографические данные

Iwan Perepeliza war nur sehr kurze Zeit im Konzentrationslager Dachau. Er wurde am 17.1.1945 mit einem Transport ukrainischer Häftlinge vom Straflager Moosach überstellt und auf dem Evakuierungsausmarsch nahe bei Wolfratshausen befreit. Er stammt aus dem ukrainischen Ort Pleskatschiwka und lebt heute in Kamenka im Gebiet Tscherkassy. Bisher konnte er zweimal die Gedenkstätte Dachau besuchen und an den Befreiungsfeierlichkeiten teilnehmen. Über seine Haftzeit ist wie bei den meisten der Überlebenden nur sehr wenig im Archiv der Gedenkstätte überliefert.

Iwan Perpeliza erinnert sich an den Stationen „Jourhaus“ und „Baracken“ und dort an „Block 22“ an seine kurze Haftzeit im Konzentrationslager Dachau.

3 Мостик у лагерных ворот / Jourhaus-Brücke

121 3_Иван Матвеевич Перепелица / Мостик у лагерных ворот

Иван Матвеевич Перепелица вспоминает о различных обстоятельствах, при которых он проходил через эти ворота. Он рассказывает об охватившем его страхе при прибытии в лагерь 17 января 1945 года и о своей ежедневной дороге на работу на вокзал города Дахау:

„Когда я проходил браму, то по мне тысячи мурашек пробежали. Меня привезли из штрафлагеря Мозаха, в машину – черную как ворон там машина. У меня все тело похолодело, а мурашки пробежали без конца. Тысячная команда была в 22-ом блоке и нас каждое утро выводили через эту браму на работу в Дахау – на станцию Дахау. Она сильно была разбомблена американцами. Шпалы, рельсы, вагоны – все было разбито, все горело там. Мы все это разбирали, ну, уборку делали. Ежедневно туда нас гоняли. А работали мы тяжело. На станции рельсы тяжелые – два человека носили мы рельсы – тяжелые.“

121 3_ Iwan Perepeliza / Jourhaus-Brücke

Iwan Perepeliza erinnert sich an die verschiedenen Situationen, in denen er durch das Tor gehen musste. Er erzählt von der Angst, die ihn befiel, als er am 17. Januar 1945 hier eingeliefert wurde und er erzählt von seinem täglichen Weg zu dem Arbeitskommando am Dachauer Bahnhof:

„Als ich durch das Tor ging, lief es mir eiskalt über den ganzen Körper. Man brachte mich aus dem Straflager Moosach hierher – in einem rabenschwarzen Auto. Mir wurde eiskalt am ganzen Körper und ich bekam eine Gänsehaut. Das Kommando 1000 war in Block 22 untergebracht. Jeden Morgen führte man uns durch dieses Tor zur Arbeit auf dem Bahnhof der Stadt Dachau. Er war durch Bombenangriffe der Amerikaner zerstört worden. Schwellen, Schienen, Waggons waren zertrümmert – alles war ausgebrannt. Wir haben das alles weg geräumt. Nun, wir haben Aufräumarbeiten gemacht. Täglich wurden wir dort hingetrieben. Wir mussten hart arbeiten. Die Schienen auf dem Bahnhof waren schwer. Zu zweit haben wir die Schienen geschleppt – schwere Schienen.“

4 Лагерные ворота / Jourhaus

121 4 Александр Иванович Кулинич / Лагерные ворота

Александр Иванович Кулинич в дальнейшем говорит о том, что он в восьмой раз проходит через лагерные ворота. При этом, речь идет о двух его пребываниях там, как заключенного концлагеря и дважды он посещал Мемориальный комплекс уже будучи свободным:

„В свои восемьдесят лет я восьмой раз прохожу через эти ворота. Сами ворота были другие, не такие, как сейчас. И когда я первый раз 24 апреля 1943 года зашел на эту территорию, я увидел вот эту площадь и было такой же ясный день – солнечный, красивый день. И первое, что бросилось в глаза – это тишина и с левой стороны стояли люди в полосатой одежде. И только тогда мы поняли, что мы попали в концлагерь, до этого нам никто ничего не говорил.

Пройдя через эти ворота, нас в этом здании начинали раздевать. Очень интересный был случай: когда нас фотографировали – уже голыми мы сидели на деревянном стуле – деревянный стул поворачивался. И когда последний снимок сделали, иголка в заднее место – иголка, и ты вскакивал, как... чтобы быстро, быстро... Было настолько все продумано, что быстро проходили люди, потому что – очень много людей. В той партии, в которой я прибыл, было немного, и я был первым русским, который попал в этот лагерь. Мой первый номер – лагерный – был 30 571. Когда я вторично в 1944 году попал сюда, у меня уже был лагерный номер 137 045.“

121 4_ Aleksandr Kulinitsch / Jourhaus

Aleksandr Kulinitsch spricht im Folgenden davon, dass er nun zum achten Mal durch das Tor am Jourhaus geht. Damit meint er seine beiden Aufenthalte als Häftling und die beiden Male, als er als freier Mensch die Gedenkstätte Dachau besuchte.

„Mit meinen achtzig Jahren gehe ich nun zum achten Mal durch dieses Tor. Das Tor selbst war damals anders, nicht so wie heute. Als ich am 24. April 1942 dieses Gelände zum ersten Mal betrat, erblickte ich diesen Platz. Es war genau so ein wolkenloser, sonniger, schöner Tag. Das erste, was auffiel, war die Stille und dass links Menschen in gestreifter Kleidung standen. Erst da haben wir begriffen, dass wir in ein Konzentrationslager geraten waren. Bis dahin hatte uns niemand etwas gesagt.

Nachdem wir durch das Tor gegangen waren, hat man in diesem Gebäude begonnen, uns auszuziehen. Es gab da einen interessanten Vorfall, als sie uns fotografierten – wir waren bereits nackt und saßen auf einem Holzstuhl. Der Holzstuhl war drehbar. Und als sie die letzte Aufnahme gemacht hatten, stach eine Nadel in das Hinterteil, eine Nadel. Du bist aufgesprungen wie.... Damit es schnell ging. Es war alles sehr durchdacht –

damit die Leute schnell durchgeschleust werden konnten, es waren ja viele Menschen. Die Gruppe, mit der ich herkam, war nicht groß und ich war der erste Russe, der in dieses Lager kam. Meine erste Lagernummer war 30.571. Als ich 1944 zum zweiten Mal hierher kam, hatte ich schon die Lagernummer 137.045.“

5 «Апельплац» / Appellplatz

121 5 Александр Иванович Кулинич / «Апельплац»

Незадолго до окончания войны Александр Иванович Кулинич был отправлен отсюда на эвакуационный марш. Сотни заключенных погибли при эвакуации от изнеможения или были застрелены эсэсовцами. В последующих рассказах он вспоминает об эвакуации, как об ужасном путешествии:

„В конце войны, 26 апреля 1945 года, на этом месте начали собирать в группы по сто человек. Десять на десять, то есть коробка. Опять же мы не знаем, зачем нас строят, почему – никто ничего не говорил. Справа два эсэсовца с автоматами, с собаками. Выстроили нас в коробку – сто человек – и через эти ворота мы вышли и пошли по этой дороге. Рассказывать о дороге тоже можно много – это было страшное путешествие, потому что каждый, кто выпадал из колонны, кто не мог идти, тут же был расстрелян. По пути, сколько мы не шли, то с одной стороны были расстрелянные, то с другой. То есть, тот, кто делал шаг из колонны или не мог идти был расстрелян. Даже стреляли разрывными пулями, я не знаю, как это перевести... Я видел труп – снесена голова и видны даже мозги, как кисель, как жидкость. Это было страшно. Но, по-видимому, в моем возрасте, в моем молодом возрасте – все это не воспринималось так близко к сердцу. Я еще был совсем юношей – мне не было семнадцати лет, поэтому я легко переносил. А которые были люди постарше, те быстро падали и их тут же расстреливали.

Только тридцатого, где-то под вечер, уже в четыре, пять часов, когда мы подошли – речка, мост большой, а с той стороны – пологий такой берег. И мы смотрим, что там – как муравьи – уже эти полосатые «зебры» наши. А нам эсэсовцы кричат: «Los, los, los!» («Давай, давай, давай!») И мы бежим через этот мост, а они остаются по этой стороне. На мосту лежали бомбы, такие огромные, авиационные, наверно, бомбы, потому что со стабилизаторами. Мы с товарищем за руки взялись и сказали, чтоб не бросать друг друга и побежали. Побежали, но ноги уже были пухлые – вообще страшно... Увидели воронку, то ли от снаряда, то ли от бомбы. А американцы уже были близко – ихние самолеты уже кружили над нами. И мы впали в эту воронку и отключились, уснули. Но было страшно, когда я проснулся, открыл глаза – а все белое, кругом белое. И я не понял, где я нахожусь, то ли на этом свете, то ли на том свете. Потому что не понятно – когда мы ложились, не было белое, а вдруг белое. Я думал, что я мертвый, а потом беру себя, щупаю – нет, живой! Потом взял так, а это оказалось снег. Ночью прошел снег, нас присыпал – ну вот столько снега–

нас присыпал, а мы даже не пошевельнулись, не среагировали на это. Потом уже встали – понятно, что...Пошли на встречу в лес. Там уже нас встретили американские войска.“

121 5_ Aleksandr Kulinitich / Appellplatz /

Aleksandr Kulinitich musste sich hier zu dem Evakuierungsmarsch kurz vor Kriegsende aufstellen. Hunderte von Häftlingen kamen bei den Evakuierungen aus Erschöpfung noch zu Tode oder wurden von der SS erschossen. In der folgenden Erzählung erinnert er den Marsch als eine furchtbare Reise:

„Bei Kriegsende, am 26. April 1945, hat man begonnen, auf diesem Platz Gruppen von je hundert Mann zusammenzustellen, zehn mal zehn, in Kastenformation. Wieder wussten wir nicht, weshalb wir uns aufstellen mussten und warum. Niemand hat uns irgendetwas gesagt. Auf der rechten Seite waren zwei SS-Männer mit Maschinengewehren und Hunden. Man hat Formationen von je hundert Mann zusammengestellt. Wir sind durch dieses Tor gegangen und haben uns auf den Marsch begeben. Man könnte viel über diesen Marsch erzählen. Es war eine furchtbare ‚Reise‘, denn jeder, der aus der Kolonne herausfiel, der nicht mehr weitergehen konnte, wurde auf der Stelle erschossen. Entlang des Weges, so weit wir auch gingen, lagen auf der einen und auf der anderen Seite Erschossene. Das heißt: jeder, der auch nur einen Schritt aus der Kolonne heraus trat oder nicht mehr gehen konnte, wurde erschossen. Sie benutzten sogar Sprenggeschosse – ich weiß nicht, wie man das übersetzen könnte. Ich sah einen Toten. Der Schädel war weg geschossen und man sah das Gehirn. Das sah aus wie Brei, wie eine Flüssigkeit. Es war ein schrecklicher Anblick. Aber offenbar habe ich mir in meinem jugendlichen Alter das alles nicht so zu Herzen genommen. Ich war damals ein ganz junger Bursche, noch nicht einmal siebzehn Jahre alt. Ich habe das daher leicht ertragen. Aber die Älteren, die sind schnell hingefallen und wurden sofort erschossen.

Es war erst am Dreißigsten, irgendwann gegen Abend um vier oder fünf Uhr, als wir zu einem Fluss kamen. Da war eine große Brücke und auf der anderen Seite so ein flaches Ufer. Wir haben gesehen, dass es da drüben von gestreiften Gestalten in unseren ‚Zebra-Uniformen‘ wimmelte, wie Ameisen. Die SS-Leute schreien uns an: ‚Los, los, los!‘ Wir laufen über die Brücke und sie bleiben auf der anderen Seite zurück. Auf der Brücke lagen so riesige Bomben, wahrscheinlich Fliegerbomben, denn sie hatten Stabilisatoren. Meine Kameraden und ich haben uns an den Händen gefasst. Wir sagten, damit wir einander nicht verlieren, und sind los gelaufen. Wir liefen los, aber unsere Beine waren angeschwollen. Es war überhaupt schrecklich. Da sahen wir einen Trichter, entweder von einer Granate oder von einer Bombe. Die Amerikaner waren ja schon ganz nahe, ihre Flugzeuge kreisten bereits über uns. Wir ließen uns in diesen Bombentrichter fallen und waren weggetreten. Wir sind eingeschlafen. Es war schrecklich, als ich aufwachte. Ich öffnete die Augen und rundherum war alles weiß. Ich wusste nicht, wo ich mich befand. Im Diesseits oder im Jenseits. Es war nämlich irgendwie unbegreiflich: Als wir uns hingelegt hatten, war es nicht weiß gewesen und plötzlich war es weiß. Ich dachte, ich sei tot. Ich habe mich angefasst, betastet, nein, ich lebe! Dann habe ich das so genommen, es war Schnee! In der Nacht war Schnee gefallen und hatte uns angeschneit. Wenig Schnee, nur

so viel. Wir waren angeschneit worden und hatten uns nicht einmal gerührt, hatten darauf nicht reagiert. Danach sind wir aufgestanden und es war klar, was passiert war. Wir sind in einen Wald gegangen, wo uns auch schon die amerikanischen Truppen entgegenkamen.“

6 Аэрофотоснимок / «Плантация» - Luftbild/Plantage

121 6_ Александр Иванович Кулинич / «Плантация»

В нижней части аэрофотоснимка вне территории лагеря для заключенных видна плантация. Она отмечена латинской буквой «F». Александр Иванович Кулинич недолго находился в рабочей команде «Плантация». Он рассказывает, почему она считалась одной из самых страшных рабочих команд в концлагере Дахау:

„В один из дней – это было в конце сентября–начале октября – после аппельплаца, утром, после проверки, подходит эсэсовец, так смотрит и рукой показывает. Ну, выходит и строится. И мне сказал – сюда. Я тоже стал. Набрал он там команду – человек двадцать пять. Еще с другого блока немножко – тоже присоединил и сказал, что это будет «Плантажкоманда» И повели нас – там ворота были другие – туда мы выходили. Когда мы вышли, ну, вид действительно такой был – огромные плантации. Там, где я был, был перец. Построили нас, каждому – два ряда.

Ничего в руках, все эти сорняки вырывать только руками. Причем можно было стать только на одно колено. На одно колено. Двумя коленами нельзя было становить. Голову поднимать нельзя было. Сверху, если только что-то не так, сразу же – у него в руках – не палка, не знаю, как это сказать – сразу же получал удар. Поэтому только мог смотреть в землю и менять колено – одно на другое. И так, не разгибаясь, мы часами так шли потихоньку, выбирали эти сорняки. К концу дня, спина уже... невозможно было, невозможно. А если кто-то упадет, то вот результат. Я не видел, что расстреливали, но били – то того, что человек уже вставать не мог.“

121 6_ Aleksandr Kulinitsch /Plantage

Auf dem Luftbild sehen Sie im unteren Bereich außerhalb des Häftlingslagers die Plantage. Sie ist mit dem Buchstaben „F“ markiert. Aleksandr Kulinitsch war für kurze Zeit im Arbeitskommando Plantage. Er erzählt, warum das Kommando zu den mörderischsten im Konzentrationslager Dachau gehörte:

„Es war an einem der Tage Ende September, Anfang Oktober, nach dem Appellplatz, am Morgen nach dem Appell. Es kommt ein SS-Mann, schaut so und zeigt mit der Hand. Einer geht raus und stellt sich auf. Mich weist er auch dorthin und ich stelle mich auf. Er suchte sich ein Kommando von ca. 25 Leuten aus. Und unser Kommando – er hatte auch ein paar aus einem anderen Block dazugenommen – sagte er, sei das Plantagenkommando. Wir wurden weggeführt. Es gab da ein anderes Tor durch das wir gingen. Als wir

hinausgingen, sah das wirklich so aus, wie hier. Eine riesige Plantage. Da, wo ich war, gab es Paprika. Wir mussten uns formieren, jeder hatte zwei Saatzeilen.

Wir hatten nichts in der Hand und mussten das ganze Unkraut manuell ausreißen. Außerdem durften wir nur auf einem Knie knien, nur auf einem, auf zwei durfte man nicht knien. Der Kopf durfte nicht gehoben werden. Von oben – wenn man irgend etwas nicht so gemacht hat, wurde man sofort – der hatte so etwas in der Hand, keinen Stock, ich weiß nicht, wie man das nennt – hat man sofort einen Schlag bekommen. Man konnte also nur auf den Boden schauen. Und die Knie wechseln – von einem auf das andere. Auf diese Weise haben wir uns stundenlang, ohne uns aufzurichten, ganz langsam fortbewegt und dieses Unkraut ausgerissen. Am Ende des Tages tat der Rücken unerträglich weh. Wenn jemand hingefallen ist, war dies das Resultat. Ich selbst habe nicht gesehen, wie jemand erschossen wurde, aber sie haben geschlagen, so lange, bis dieser Mensch nicht mehr aufstehen konnte.“

8 Монумент / Mahnmal

121 8 Александр Иванович Кулинич / Монумент

Александр Иванович Кулинич объясняет у центрального монумента, какое значение имеет для него завет жертв концлагеря Дахау:

„Нашему поколению пришлось пережить две диктатуры – Гитлеризма и Сталинизма. Ни та ни другая диктатура не принесла ничего хорошего человечеству, кроме страданий, нищеты, ну, всего самого плохого, что можно сказать. Поэтому и молодежь, и старое поколение должны помнить, что если мы забудем прошлое, мы не будем иметь будущего. Чтобы мы, наши дети, наши внуки жили в мире, в благополучии, чтоб не знали войны, не знали бомбежек, расстрелов и всего негативного в жизни человека. Мы должны быть сплоченными, отстаивать свои демократические интересы и всегда быть интернационалистами – уважать, любить друг друга и желать один одному только хорошего, процветания, благополучия, здоровья и всего самого лучшего, что может быть в жизни каждого человека.“

121 8_ Aleksandr Kulinitich / Mahnmal

Aleksandr Kulinitich erläutert am zentralen Mahnmal, welche Bedeutung für ihn das Vermächtnis der Opfer des Konzentrationslagers Dachau hat:

„Unsere Generation musste zwei Diktaturen durchmachen – den Hitlerismus und den Stalinismus. Weder die eine noch die andere Diktatur hat der Menschheit etwas Gutes gebracht – außer Leid, Elend und dem Schlimmsten, was man sich überhaupt vorstellen kann. Deshalb sollte die Jugend und auch die ältere Generation daran denken, dass wir keine Zukunft haben, wenn wir die Vergangenheit vergessen. Damit wir,

unsere Kinder und Enkel, in Frieden und Wohlstand leben können. Damit wir keinen Krieg, keine Bombenangriffe, Erschießungen und andere negative Dinge des Lebens erfahren brauchen. Wir müssen Geschlossenheit zeigen, für unsere demokratischen Interessen eintreten und stets international ausgerichtet sein. Wir müssen uns mit Respekt und Hochachtung begegnen und einander nur Gutes wünschen – Prosperität, Wohlergehen, Gesundheit und das Allerbeste, was es im Leben eines jeden Menschen geben kann.“

360 Экспозиция / Баня для заключенных / Häftlingsbad

11 360 Юрий Трофимович Пискунов / Баня для заключенных

Пояснения для аудио-путеводителя : Юрий Трофимович Пискунов вспоминает об унижительной санитарной процедуре в бане для заключенных:

„Начали мыться мы, под душем – для нас это было приятно, допустим. Намылились мылом мы – не спеша – мы знали, что будем там наверное продолжительное время. Только намылились мылом – намылили голову и все – и вдруг горячей воды не стало. Вообще никакой воды не стало. Не стало воды просто. И мы так намыленные почти были до рассвета. Ходили по бане. Это был ноябрь-месяц, уж было холодно – октябрь – холодно уже было. Мы ходили там раздетые, намыленные и не знали, что нам делать. Потом перед рассветом нам включили холодную воду и мы вынуждены были отмыть мыло, хотя бы холодной водой.“

11 360_De_Jurij Piskunow / Häftlingsbad

Jurij Piskunow erinnert sich an die entwürdigende Einlieferungsprozedur im Häftlingsbad:

„Wir haben begonnen, uns unter der Dusche zu waschen – das war für uns zugegebenermaßen ganz angenehm. Wir haben uns mit der Seife eingeseift und uns nicht sehr beeilt, weil wir wussten, wir bleiben hier wahrscheinlich länger. Wir hatten uns gerade mit der Seife eingeseift, seiften uns den Kopf ein und alles, als plötzlich kein heißes Wasser mehr kam. Es kam überhaupt kein Wasser mehr. Es kam einfach kein Wasser. Und wir blieben so eingeseift, praktisch bis fast zum Tagesanbruch. Wir gingen im Bad herum, das war ja im November – es war schon kalt. Oktober war es, aber schon kalt. Wir gingen dort herum – ausgezogen und eingeseift – und wussten nicht, was wir tun sollten. Dann, kurz vor Tagesanbruch, wurde uns das kalte Wasser eingeschalten und wir waren gezwungen, die Seife abzuwaschen, auch wenn das Wasser kalt war.“

9 Бункер (Лагерная тюрьма) / Bunker

121 9 Юрий Трофимович Пискунов_ Бункер

Пояснения для аудио-путеводителя: Юрий Трофимович Пискунов вспоминает о жестокой пытке в карцере, который назывался стоячий бункер. Его держали взаперти в узкой камере без света и контакта с другими узниками. Четыре крошечные стоячие карцеры были в 1944 году устроены рядом друг с другом в задней части одной из «обычных» камер, таким образом, остаток камеры образовывал переднюю площадку:

„И вот меня в одну из открытых камер – дверь была открыта. Меня забили в эту камеру и там еще оказалось три дверей или четыре – я не помню сейчас точно – маленькие двери. И вот в одну из этих дверей меня эсэсовец втолкнул. Там было темно. Я сразу не сообразил в чем дело. Потому что когда меня туда толкнули, я сразу уперся в стену – в противоположную. За мной сразу захлопнулась дверь. Когда я чуть-чуть успокоился, я начал думать, где же я и что со мной случилось. Я начал руками проверять стены – оказалось, что это маленькая такая камера, в которой невозможно было сесть. И если садился, то коленами я уперся в одну стенку, а спиной в другую.

Были разные охранники. Одни были положительные, которые позволяли, когда я покушал, немножко полежать, выйдя из этого стоячего бункера – немножко полежать в камере большой...Другие – как только я поел, он сразу начал ругать меня: «Ты русская свинья! Ты паршивая свинья!» И быстро опять же загонял меня в эту камеру, стоячую – стоячий бункер. Иногда даже пытались бить за что-то не так сказанное или не такое движение, какое как бы хотелось получить эсэсовцу. И так в бункере я пробыл несколько дней. Точно я не могу сказать, сколько. Я там дошел до состояния такой неменяемости. Мне уже казалось, что этому мучению не будет конца. Разные мысли были. Я думал о том, что все равно это не кончится, значит, меня ждет крематорий – или виселица. Других мыслей не было у меня.

Но когда через время открыли двери, я выпал – не мог уже стоять на ногах, я выпал на пол. Пришли двое заключенных, пришли с эсэсовцем – двое заключенных – взяли меня под руки и отвели в блок номер шесть. Там я два дня полежал. Товарищи немножко меня подкормили – дали хлеба мне немножко больше и супа дали больше. Немножко меня поддержали.“

121 9_ Jurij Piskunow / Bunker

Jurij Piskunow erinnert sich an die grausame Folterstrafe, die man Stehbunker nannte. Er wurde auf sehr engem Raum, ohne Licht und Kontakt zu anderen Mithäftlingen eingesperrt. Die vier winzigen Stehbunkerzellen waren im Jahr 1944 im hinteren Teil einer „normalen“ Zelle nebeneinander eingerichtet worden, so dass der Rest der Zelle eine Art Vorraum bildete:

„Ich kam in eine der offenstehenden Zellen, die Tür war offen. Sie stießen mich in diese Zelle und dort waren wieder drei, vier Türen, ich weiß nicht mehr genau, kleine Türen, und durch eine dieser Türen hat mich der SS-Mann hinein gestoßen. Dort war es dunkel. Ich habe nicht gleich begriffen, was los war. Weil, als sie mich dort hinein warfen, war ich gleich an die gegenüberliegende Wand gestoßen. Dann war die Tür hinter mir zugeschlagen. Als ich mich ein wenig beruhigt hatte, begann ich nachzudenken, wo ich mich befand und was mit mir passiert war. Ich habe begonnen, mit den Händen die Wände abzutasten. Es stellte sich heraus, dass es so eine kleine Zelle war, in der man sich nicht hinsetzen konnte. Wenn ich versuchte, mich niederzulassen, stieß ich mit den Knien an die eine Wand und mit dem Rücken an die andere.

Es gab unterschiedliche Wachleute. Manche waren anständig. Sie erlaubten mir, tagsüber, nachdem ich gegessen hatte, wenn ich aus dem Stehbunker heraus gekommen war, mich in der großen Zelle ein wenig hinzulegen. Andere begannen mich gleich zu beschimpfen, sobald ich gegessen hatte: ‚Du russisches Schwein, du mieses Schwein!‘ und haben mich schnell wieder in diese Stehzelle zurück gejagt in diesen Stehbunker. Manchmal haben sie mich auch geschlagen, für ein falsches Wort oder für eine falsche Bewegung, die dem SS-Mann nicht gepasst hat. Und so habe ich im Bunker mehrere Tage verbracht, wie viele genau, kann ich nicht sagen. Ich verfiel irgendwie in einen Zustand der Unzurechnungsfähigkeit. Es schien mir, als ob diese Qual nie ein Ende nehmen würde. Mir gingen verschiedene Gedanken durch den Kopf. Ich habe gedacht, dass das ohnehin nie mehr aufhören wird und dass auf mich wohl das Krematorium wartet, oder der Galgen. Andere Gedanken hatte ich keine.

Als sie mir dann nach einiger Zeit die Tür öffneten, fiel ich heraus. Ich konnte mich nicht auf den Beinen halten. Ich bin heraus auf den Boden gefallen. Es kamen zwei Häftlinge mit einem SS-Mann. Zwei Häftlinge, sie fassten mich unter den Armen und führten mich in Block 6. Dort lag ich zwei Tage. Meine Kameraden haben mich etwas aufgepäppelt, haben mir etwas mehr Brot gegeben und mehr Suppe. Sie sind mir beigestanden.“

10 Бараки / Baracken

121 10 Александр Иванович Кулинич / „Блока 19“

Александр Иванович Кулинич вспоминает о различных бытовых условиях в блоке 19 во время его пребывания в нем в 1942 и 1944 годах:

„Как я уже говорил, в этом блоке я был два раза – в 1942 г. и в 1944 г. Был я в первой штубе. В этом помещении, в этой штубе находились Blockältester (староста блока), Stubenältester (староста штубы). Как я уже говорил, меня взяли в команду „Zimmerdienst“ (уборка помещений). Я убирал, мыл окна, мы посуду. В общем, делали все для того, чтобы было чисто. Я Вам скажу, что в 1943 г. все было идеально. Меняли белье нам один раз в десять дней. Ну, более или менее относительно было

[чисто]. Кроме того, что плохо кормили. А так все остальное было на достаточно хорошем уровне. Вот в 1944 г., когда я второй раз был, то уже был страх. Люди лежали один на другом. О какой-то белье или еще и речи не могло быть. Начались эпидемии, начался тиф, дизентерия, туберкулез. Люди умирали. Утром просыпаешься и в туалет – там один труп лежит, другой труп лежит. Химическим карандашом на груди номер писали, раздевали его и сюда выволакивали, вот здесь складывали. А там телега подходила, их нагрузили на эту телегу и – в крематорию. День и ночь шел дым. Такая была обстановка. Но я еще раз говорю, что – благодаря моей юности – мне все время говорили: «Ты еще маленький». А я – маленького роста, худой такой и поэтому меня все жалели. Все говорили: „Ganz jung, du bist ganz jung!“ («Такой молодой, ты такой молодой!»). Бывали случаи, когда эсэсовцы приходили, смотрели, кто есть – меня под нары прятали: Blockältester говорит: «Алекс, быстро под нары!» И я туда раз! Они ходят, смотрят – никого нет, все нормально... Такие тоже случаи были, и в общем вот так проходила жизнь.»

121 10_ Aleksandr Kulinitsch / „Block 19“/

Aleksandr Kulinitsch erinnert sich an die unterschiedlichen Lebensbedingungen in Block 19 während seiner beiden Aufenthalte im Jahr 1942 und im Jahr 1944:

„Wie ich bereits gesagt habe, war ich zweimal in dieser Baracke, 1942 und 1944. Ich war in Stube 1. In diesem Raum, in dieser Stube waren ein Blockältester und ein Stubenältester. Sie haben mich, wie ich schon gesagt habe, zum Kommando „Zimmerdienst“ genommen. Ich habe aufgeräumt, die Fenster geputzt, das Geschirr gewaschen. Nun, wir haben alles gemacht, damit es sauber war. Ich kann Ihnen sagen, dass 1942 alles ideal war. Alle 10 Tage wurde uns die Wäsche gewechselt, es war alles mehr oder weniger, relativ besser. Außer, dass das Essen schlecht war, aber alles Übrige war auf einem hinreichend guten Niveau. Als ich 1944 zum zweiten Mal hier war, war es bereits schrecklich. Da lagen die Menschen praktisch einer auf dem anderen. Von Wäsche oder so etwas konnte keine Rede mehr sein. Es begannen Epidemien, Typhus, Ruhr, Tuberkulose. Die Menschen sind gestorben. Du wachst morgens auf, gehst zur Toilette, da liegt eine Leiche, dort eine andere Leiche. Mit einem Tintenstift haben sie die Nummer auf die Brust geschrieben, ihn ausgezogen, herausgeschleift und dort hingelegt. Dann kam ein Karren. Sie wurden auf diesen Karren geladen und zum Krematorium gefahren. Tag und Nacht stieg der Rauch auf. So war die Situation. Aber ich sage nochmals, dass mir wegen meiner Jugend immer wieder gesagt wurde: ‚Du bist ja noch klein‘. Ich war ja klein und mager und habe allen Häftlingen leid getan. Alle haben gesagt: ‚Ganz jung, du bist ganz jung!‘ Es gab Situationen, wenn SS-Leute gekommen sind und schauten, wer da ist, da haben sie mich unter den Betten versteckt. Der Blockälteste sagte: ‚Alex, schnell unter die Betten!‘ Und ich, schnell dorthin. Sie kommen und schauen, keiner da, alles in Ordnung. Solche Fälle gab es. So war hier das Leben.“

122 10 Иван Матвеевич Перепелица / „Блока 22“

Иван Матвеевич Перепелица описывает катастрофические условия жизни заключенных в последние недели войны:

„Это 22-ой блок, где мы жили. Только спали здесь ночью. В этом блоке были четыре штубы. В каждой штубе было по четыреста человек. Спали все один возле одного – как спички в коробке, селедки. Вонь была страшная в этой штубе. Видно было разное: были слабыми и обмачивались. Вы должны разуть эти вещи. Кормили поганью. Причем СС обижал все время нас. Слышно было: „Hund! Schweine verreckte!“ («Собака! Паршивые свиньи!») Это без конца. У них было зверское поведение.“

122 10_ Iwan Perepeliza / “Block 22“

Iwan Perepeliza schildert die katastrophalen Lebensbedingungen in den letzten Wochen vor Kriegsende:

„Das ist Block 22, wo wir gewohnt haben. Wir haben hier nur geschlafen. In diesem Block gab es vier Stuben. In jeder Stube waren wir 400 Mann. Wir schliefen einer neben dem anderen, wie die Streichhölzer in der Schachtel, wie die Heringe. Der Gestank in der Stube war schrecklich. Da konnte man viel Verschiedenes sehen. Die Häftlinge waren schwach und haben sich nass gemacht und all so etwas. Sie müssen diese Sachen verstehen. Zu Essen gaben sie uns Unrat, richtigen Unrat. Die SS hat uns beleidigt. Ständig hörte man: ‚Hund! Schweine! Verreckter!‘ So ging es ständig. Sie waren sehr brutal.“

104 Экспозиция барака / Barackenausstellung

12 104_ Геннадий Александрович Храмов_ Экспозиция барака

Геннадий Александрович Храмов рассказывает о постоянном голоде вследствие недостаточного питания при тяжелых работах:

Питание, конечно, было очень плохое. Мы были постоянно голодны. Можно рассказать, что после освобождения я весил всего 39 килограммов. Все были истощенные люди. Утром был полулитр кофе – Эрзацкофе – и кусок хлеба – граммов 150. В обед был обычно морковный или капустный суп. Вечером опять кофе – эрзацкофе – и все. Правда, в последние месяцы перед окончанием войны, каждое

воскресенье нам дали в обед так называемые макарони – суп из макарон. Мы так ждали каждого воскресенья – этого дня. Целую неделю ждали.

12 104_De_Gennadij Chramow_Barackenausstellung

Gennadij Chramow schildert den ständigen Hunger als Folge der Mangelernährung bei schwerer Arbeit:

„Die Ernährung war sehr schlecht, man hatte ständig Hunger. Ich kann Ihnen erzählen, dass ich nach der Befreiung 39 kg gewogen habe. Wir waren alle unterernährt. Morgens gab es einen halben Liter Kaffee, Ersatzkaffee, und ein Stück Brot, ca. 150 Gramm, mittags meistens Rübensuppe oder Krautsuppe, abends wieder Kaffee, Ersatzkaffee. Das war alles. Nun ja, man hat uns in den letzten Monaten vor Ende des Krieges jeden Sonntagmittag so genannte „Makkaroni“ gegeben, eine Suppe aus Makkaroni. Wir haben uns so auf diesen Tag, den Sonntag, gefreut. Die ganze Woche haben wir darauf gewartet.“

111 Функциональные бараки / «Ревир» (Медицинский изолятор) / Krankenrevier (111)

14 111 Геннадий Александрович Храмов / “Ревир“

Геннадий Александрович Храмов вспоминает об одном русском узнике, который лишь благодаря чуду выжил после медицинских опытов доктора Рашера:

„Я слышал об этих опытах. Более того, я знаю одного русского, который перенес тяжелый опыт у доктора Рашера. Его четырежды помещали в холодный бассейн, после чего он снова оживал. Это было очень редко – очень редко – когда выживали после таких опытов. Он четырежды эти опыты проводил и даже еще два опыта для показа другим врачам-эсэсовцам из других лагерей, которые были в Дахау. Вот этот человек был русским – Хонич, которого приговорили к смерти, но, вместо этого подвергли этим опытам. Это были жизнеопасные опыты и доктор Рашер думал, что он не выживет – ни в коем случае после этих опытов. Но когда он увидел, что он выживает – он был здоровый человек, Севастополец, Хонич, по фамилии, богатырь был человек – то Рашер сказал: «Я вас помилую и разрешаю носить волосы». После этого он был назначен начальником команды, которая развозила пищу по блокам. Там были десять русских – тоже здоровых людей, которые таскали тележку с питанием. Бывшим военнопленным он помогал, этот Хонич. Частенько подбрасывал дополнительный Kübel (ведро) с едой и говорил, что это для русских военнопленных. И мы его вообще звали «Матрос Николай». Все русские его знали хорошо.“

14 111_ Gennadij Chramow / Krankenrevier

Gennadij Chramow erinnert sich an einen russischen Mithäftling, der wie durch ein Wunder die medizinischen Versuche des Dr. Rascher überlebt hatte:

„Ich habe von diesen Versuchen gehört. Mehr noch, ich kenne einen Russen, der einen schrecklichen Versuch über sich ergehen lassen musste, bei Dr. Rascher. Er wurde viermal in das Kältebecken gelegt. Danach wurde er wiederbelebt. Das war sehr, sehr selten, dass jemand nach diesen Versuchen überlebt hat. Er war viermal solchen Versuchen ausgesetzt und dann sogar noch zweimal, zur Vorführung vor SS-Ärzten aus anderen Lagern, die in Dachau waren. Dieser Mann war ein Russe – Chonitsch mit Namen – der zum Tode verurteilt worden war und der stattdessen diesen Versuchen unterzogen wurde. Das waren lebensgefährliche Versuche und Dr. Rascher hat gedacht, dass er auf keinen Fall nach diesen Versuchen überleben würde. Aber als er sah, dass er überlebt hat, da er auch ein kräftiger Mann aus Sewastopol war, sein Name war Chonitsch, er war ein Hüne, hat Rascher dann gesagt: ‚Ich begnadige Sie und erlaube Ihnen, die Haare ungeschoren zu tragen.‘. Danach wurde er zum Chef des Kommandos ernannt, das das Essen in den Baracken ausgeteilt hat. Da waren 10 Russen, auch kräftige Männer, die den Handkarren mit dem Essen gezogen haben und dieser Chonitsch hat den Kriegsgefangenen geholfen. Oft hat er heimlich einen zusätzlichen Kübel mit Essen hingestellt und hat gesagt, dass das für die russischen Kriegsgefangenen sei. Wir haben ihn allgemein ‚Matrose Nikolaj‘ genannt. Alle Russen haben ihn gut gekannt“

15 111 Александр Иванович Кулинич / “Ревир“

С «ревиром», то есть с медицинским изолятором, Кулинича связывает его спасение от гибели. Заключение, которые там работали, выходили и оберегали его от дальнейших тяжелых работ в рабочих командах:

„На следующий день у меня поднялась температура. Все равно меня вязли на аппельплац, а после этого направили в ревир (медицинский изолятор) – с температурой. Там меня уже встретили и наверно богу было угодно, чтобы я туда попал. Потому что они меня практически выходили и спасли меня от других... Там были другие команды и так далее и так далее. Долго держали меня там, в общем, столько, сколько могли. Конечно я видел там много смертей. Интересно, как люди умирают. Каждый по-разному. Один умирал – у него со рта шел пар, не знаю, почему. Другие умирали тихо, третьи кричали – в общем, по-разному. Страшно было. Причем умерших не убирали сразу. Пока не придет этот эсэсовец, который курировал блок, пока он не посмотрит, не даст команду, до тех пор труп лежал там на месте. Там были и французы и поляки и немцы и мы русские... Ну, французы особенно, у них были посылки, они получали продукты и нас немножко

подкармливали. Всегда ко мне: „Alex, komm, komm, komm!“ («Алекс, иди, иди, иди!») Садилась кушать и обязательно меня угощали.“

15 111_ De_Aleksandr Kulinitsch_Krankenrevier

Mit dem Krankenrevier verbindet Aleksandr Kulinitsch seine Rettung im Lager. Mithäftlinge, die dort als Pfleger arbeiteten, hatten ihn gesund gepflegt und vor weiteren kräfteraubenden Arbeitskommandos bewahrt.

„Am nächsten Tag hatte ich erhöhte Temperatur, Fieber. Ich musste trotzdem wieder auf den Appellplatz. Danach wurde ich in das Revier geschickt, mit Fieber. Dort sind sie mir schon entgegen gegangen. Wahrscheinlich hat es dem lieben Gott gefallen, dass ich hinkam, denn sie haben mich praktisch gesund gepflegt und vor anderen Kommandos – es gab viele andere – gerettet. Sie haben mich lange behalten – so lange sie nur konnten. Natürlich habe ich dort viele Todesfälle gesehen. Es ist interessant, wie die Menschen sterben. Jeder auf eine andere Art. Einer lag im Sterben und aus seinem Mund stieg richtig Dampf auf. Ich weiß auch nicht, warum. Andere starben ganz ruhig, wieder andere haben laut geschrien. Ganz verschieden. Es war schrecklich. Wobei – die Toten wurden nicht gleich weggebracht. Solange der SS-Mann, der für die Baracke zuständig war, nicht kam, schaute und den entsprechenden Befehl gab, blieb der Leichnam liegen. Es waren dort Franzosen, Polen, Deutsche und auch wir Russen. Insbesondere die Franzosen – sie hatten Pakete, erhielten Lebensmittel – und haben uns ein wenig ‚aufgepäppelt‘. Sie haben immer zu mir gesagt: ‚Alex, komm, komm, komm!‘ Sie haben sich zum Essen hingesezt und mir immer etwas abgegeben“

14 Заградительные сооружения / Befestigungsanlage

121 14 Александр Иванович Кулинич / Заградительные сооружения

Александр Иванович Кулинич вспоминает о заградительных сооружениях лагеря, о колючей проволоке, на которой нашли свою добровольную смерть многие заключенные, об одной ситуации в которой он из-за нечеловеческих условий лагерной жизни чуть не решился на такой же шаг:

„Сегодня не знал, что с тобой будет завтра. Будешь ли ты жив, не будешь жив. Даже был случай, когда у меня был такой психологический надрыв. Я говорю своему товарищу: «Лучше чем умирать, вот так мучиться – тифом заболеешь, умрешь – я пойду на проволоку и достойно умру. Действительно у меня было такое желание – не хотелось жить. Потому что – перспектив на то, что ты выживешь, практически...ну, я, в своем уме не смог предположить, что я останусь жив. А он мне говорит: «Разве можно! Тебя же ждет еще какая-та девушка. Если ты умрешь, то та девушка, которая тебе предназначена, всю жизнь не выйдет замуж. Как же ты можешь так поступить? Так нельзя. И так меня взял и сказал, что нет...надо держаться, надо...ну, в общем убедил меня, что действительно, говорит, тебе ждет еще любовь, у тебя может быть еще так все будет хорошо... и в общем следил со мной, чтобы я не сделал такую глупость.“

121 14_ Aleksandr Kulinitsch / Befestigungsanlage /

Aleksandr Kulinitsch erinnert sich an der Befestigungsanlage, an der viele Häftlinge freiwillig in den Tod gingen, an eine Situation, in der er beinahe an der Unmenschlichkeit des Lagerlebens verzweifelt wäre:

„Du hast heute nicht gewusst, was morgen mit dir sein wird. Wirst du noch am Leben sein oder wirst du schon nicht mehr leben. Es gab sogar eine Situation, da hatte ich sozusagen einen psychologischen Einbruch. Ich sagte zu meinem Kameraden: ‚Anstatt so zu sterben, sich so zu quälen – du bekommst Typhus und stirbst – gehe ich in den Draht und sterbe in Würde.‘ Ich hatte wirklich diesen Wunsch, ich wollte nicht mehr leben. Denn es gab ja praktisch keine Aussicht auf ein Überleben. Ich konnte mir mit meinem Verstand einfach nicht vorstellen, dass ich überleben würde. Und ein Häftling sagte zu mir: ‚Wie kannst du nur? Auf dich wartet doch irgendein Mädchen. Wenn du stirbst, wird das Mädchen, das für dich bestimmt ist, in ihrem ganzen Leben nicht heiraten. Wie kannst du so etwas machen? Das geht doch nicht.‘ Und er hat mich so genommen und gesagt: ‚Du musst durchhalten, du musst. Nun, er hat mich also überzeugt. Er sagte: ‚Auf dich wartet noch die Liebe, vielleicht wird doch noch alles gut.‘ Er hat auf mich aufgepasst, damit ich nicht eine solche Dummheit mache.“

15 Крeматорий / Krematorium

121 15 Геннадий Александрович Храмов / Крeматорий

Геннадий Александрович Храмов вспоминает о расстреле 22 февраля 1944 года на близлежащем стрельбище СС в Хебертсхаузене советских летчиков и 92 членов советской группы Сопротивления БСВ – Братского сотрудничества военнопленных – 4 сентября того же года у крематория:

„Мы слышали, когда расстреливали этих 31 наших летчиков. Они пели Интернационал – песню. После этого раздались выстрелы. После этого мы узнали, что вышел офицер перед ними и сказал: «Мы будем расстреливать только коммунистов. Остальные, выйдите вперед!» И строй этих летчиков ни шевельнулся. Все остались на месте. Всех их расстреляли. А когда расстреливали этих 92 человека русских офицеров – это было днем, мы были на работе, но мне рассказывали об этом.“

121 15_ Gennadij Chramow / Крeматорий /

Gennadij Chramow erinnert sich an die Ermordung der Piloten der sowjetischen Luftwaffe am 22. Februar 1944 auf dem nahegelegenen Schießplatz der SS in Hebertshausen und die Ermordung der 92 Mitglieder der sowjetischen Widerstandsgruppe BSW im selben Jahr am 4. September am Krematorium:

„Wir haben gehört, wie sie unsere 31 Flieger erschossen haben. Sie haben die „Internationale“ gesungen. Danach hörte man Schüsse. Später haben wir erfahren, dass sich ein Offizier vor sie hingestellt hat und gesagt hat: ‚Wir werden nur die Kommunisten erschießen. Die anderen sollen vortreten.‘ Die Reihe der Flieger hat sich nicht gerührt. Jeder ist an seinem Platz geblieben. Man hat sie alle erschossen. Und als diese 92 russischen Offiziere erschossen wurden, das war während des Tages, wir waren in der Arbeit, aber man hat mir davon erzählt.“